

Историческая специальность Межзвёздной академии расположилась на землях бывшей Сахары. Там, где когда-то простиралась величайшая пустыня Земли, теперь шумела буйная зелень. Оказавшись здесь, путник больше не видел унылого песчаного моря — ввысь взмывали величественные небоскрёбы, среди которых ярким пятном выделялся комплекс зданий, выдержанных в изысканном старинном стиле.

Будучи одним из десяти лучших учебных заведений вселенной, Межзвёздная академия не скупилась на расходы. Когда Землю решили сделать колыбелью исторической науки, инвесторы сразу же связались с администрацией планеты. Им не нужны были оживлённые мегаполисы — выбор пал на бесплодную Сахару. Выплатив астрономическую сумму за аренду, попечители академии взяли на себя обязательство полностью преобразить эти мёртвые земли.

После нескольких столетий упорного труда Сахара изменилась до неузнаваемости, навсегда утратив статус величайшей пустыни — этот титул давно перешёл к другим, безжизненным мирам.

Стоя на этой отвоёванной у природы земле, Цзинь Цин испытывал смешанные чувства. Проекты по озеленению пустынь зарождались ещё в двадцать первом веке. И пусть тогда дело продвигалось черепашьими темпами, он всегда верил, что однажды безжизненные барханы уступят место цветущим садам. Но он и подумать не мог, что своими глазами увидит триумф жизни посреди некогда грозной Сахары.

На пути к учебным корпусам ему то и дело попадались студенты. Никто из них не обращал на него внимания. Одетые в чёрные мантии, некоторые в старомодных очках, юноши и девушки выглядели на удивление строго и чопорно. Волосы у всех, независимо от пола, были уложены волосок к волоску и словно приклеены к вискам — дань местному представлению о классической аккуратности. В этой толпе Цзинь Цин со своей естественной небрежностью смотрелся чужаком.

Как истинный «древний», перенёсшийся сюда прямиком из двадцать первого столетия, он понимал истоки этой чужаковатости. Студенты отчаянно пытались подражать старине, но в глазах пришельца из прошлого этот «ретро-шик» выглядел нелепо и даже пугающе.

Историческая специальность делилась на множество кафедр: литература Нового времени, литература Средневековья, межзвёздная классика, древнейшая космическая словесность, а также древняя и первобытная литература Земли. Каждый поток изучал строго определённую эпоху — неизбежная плата за тысячелетия человеческой истории, накопившей слишком много знаний.

Точно так же в двадцать первом веке математика дробилась на прикладную, финансовую, вычислительную и педагогическую. Чем шире область знаний, тем глубже специализация.

Цзинь Цин поступил на отделение древней литературы Земли, изучавшее эпохи до двадцать первого века. Именно эта близость к родному времени и заставила его согласиться на учёбу.

Учебный корпус представлял собой величественную башню. Стоя у её подножия, юноша со вздохом закинул голову, глядя на шпиль, который буквально пронзал облака. Заниматься в таком месте... Пожалуй, среди людей его родной эпохи он был единственным, кому выпала подобная участь.

Дойдя до нужной аудитории, он услышал из-за двери звенящий голос преподавателя:

— Тема сегодняшней лекции — жизненный путь ханьского императора У-ди, Лю Чэ. Как мы уже упоминали, будучи юным принцем, он пообещал построить золотой терем, чтобы взять в жёны дочь своей тётки. В анналах истории она осталась как императрица Чэнь. Но почему впоследствии государыню лишили титула и сослали? Кто-нибудь знаком с этой главой прошлого?

Цзинь Цин тихо подошёл к открытым дверям. Яркий солнечный свет заливал просторный класс, и силуэт вошедшего отбросил длинную тень, мгновенно привлёкшую внимание студентов и лектора.

Поскольку свет бил ему в спину, изнутри аудитории можно было разглядеть лишь тёмные очертания фигуры. Раздражённый тем, что его прервали на полуслове, преподаватель нахмурился:

— Насколько я помню, правила для всех одни: опоздавшие ждут в коридоре до звонка.

Поняв, что его приняли за нерадивого прогульщика, Цзинь Цин поспешил объясниться:

— Прошу прощения, профессор. Меня не было в городе по важным обстоятельствам, я только сегодня прибыл в академию и не знал о ваших порядках.

— Только сегодня? — преподаватель опустил взгляд на электронный планшет с личными делами студентов. Пролистав список несколько раз, он наконец наткнулся на фамилию единственного числившегося, но ни разу не явившегося ученика. — Вас зовут Цзинь Цин?

— Всё верно, — Цзинь Цин сделал шаг вперёд, выйдя из слепящего ореола света. Только теперь присутствующие смогли разглядеть его лицо.

Студенты этого курса, выбравшие своей стезёй древнюю историю Земли, живо интересовались любыми экранизациями ушедших эпох. Роман «Решающая битва на вершине Запретного города» принадлежал к числу величайших памятников земной литературы, и когда объявили о съёмках фильма с максимальным уважением к канону, даже эти заядлые книжные черви не удержались от праздного любопытства.

Сейчас, глядя на стоящего перед ними юношу, они буквально лишились дара речи. По рядам мгновенно покатился удивлённый шёпот:

— Это правда он? Тот самый Цзинь Цин?

— Глазам не верю... Но разве он не актёр?

— Вот именно! Звёзды его величины гребут деньги лопатой. Зачем ему просиживать штаны на лекциях?

— И он учится с нами на одном потоке? Что-то не верится. Наверняка пролез по блату.

В отличие от экзальтированных фанатов, готовых падать в обморок при виде своего кумира, здешняя публика встретила актёра волной скепсиса. Век бурного технологического прогресса избавил человечество от борьбы за выживание — базовые блага давались без особого труда, и люди всё чаще искали пищу для ума и духа. На историческую специальность шли те, кто искренне болел прошлым, и большинство из них составляли академические сухари, не признававшие дешёвой популярности.

Профессор Ван Тао в своё время тоже краем уха слышал о грядущей премьере блокбастера «Решающая битва на вершине Запретного города». Винсент, безусловно, мастер своего дела, но для солидного учёного он оставался лишь ремесленником от коммерческого кинематографа. Сколько бы миллионов ни собрала его картина в прокате, настоящим искусством там и не пахло. Поэтому Ван Тао быстро потерял к проекту интерес, вяло размышляя лишь о том, удастся ли ему когда-нибудь заполучить для кафедры оригинальный текст первоисточника.

На потоке древней истории Земли училось немного студентов, и за прошедшие недели профессор успел запомнить каждого в лицо. Пустовало лишь одно место, принадлежавшее юноше, который не явился ни на одно занятие. Руководство академии на расспросы ответило туманно: дескать, случай особый, студенту разрешено свободное посещение и домашнее обучение.

Имя «Цзинь Цин» казалось профессору редким, но он и подумать не мог, что за ним скрывается тот самый скандальный актёр, чьё промо-фото недавно взорвало Вэйбо. Лишь теперь, воочию созерцая незваного гостя, Ван Тао осознал, насколько глубоко заблуждался.

— Поскольку вы пропустили солидную часть программы, я понятия не имею, как продвигается ваше самообразование, — сухо произнёс профессор. — Поступим так: я задам вам несколько вопросов. Ответите верно — можете занять своё место. Срежетесь — извольте в кратчайшие сроки нагнать группу, и только после повторного зачёта я поставлю вам проходной балл.

Цзинь Цин мягко улыбнулся, сохраняя абсолютное спокойствие:

— Я готов, профессор.

Пока экзамен не касался событий, произошедших после двадцать первого века, ему нечего было бояться. Историческое наследие старой Земли он знал как свои пять пальцев.

Такая невозмутимость пришлась Ван Тао по душе. Для историка хладнокровие — важнейшая добродетель.

— Что ж, проверим вашу память. Только что мы говорили о том, что император У-ди возвёл для своей супруги золотой терем. Как звали эту женщину?

— Чэнь А-Цзяо, — без малейших колебаний ответил Цзинь Цин.

В двадцать первом веке император У-ди был одним из любимейших персонажей у кинематографистов. Несмотря на множество противоречивых качеств, его великие свершения и слава навеки вписали его имя в историю, а поэтичное имя Чэнь А-Цзяо, заимствованное из старинного сборника «Истории о ханьском императоре У-ди», со временем вытеснило из памяти людей её сухой официальный титул — «императрица Чэнь».

Профессор остался бесстрастным — вопрос был слишком простым. Не ответь юноша на него, Ван Тао выставил бы его за дверь без зазрения совести.

— Верно. Тогда следующий вопрос: почему же император, некогда давший столь пылкую клятву любви, в итоге низверг свою избранницу и сослал её в холодный Дворец уединения?

Цзинь Цин покачал головой:

— Сердце владыки переменчиво, а мотивы глубоки. Официальные хроники гласят, что императрица Чэнь пала жертвой собственной ревности. Разгневанная тем, что наложница Вэй Цзыфу снискала милость императора и понесла дитя, государыня прибегла к запретному колдовству угу, пытаясь проклясть соперницу и её нерождённого младенца. Узнав об этом святотатстве, У-ди пришёл в ярость и сослал супругу во Дворец Долгого доверия, лишив её всех привилегий.

Едва он замолчал, как среди парт поднялся негодующий гул. Одна из студенток вскочила с места, раскрасневшись от возмущения:

— Из-за какой-то девки этот император предал жену, с которой рос с малых лет и которой обещал золотой терем! Какой же мерзавец! И эта Вэй Цзыфу хороша — обыкновенная разлучница!

Девушка так яростно потрясала кулаками, словно лично присутствовала при размолвке августейшей четы.

Цзинь Цин слегка нахмурился. Он терпеть не мог пустых споров о давно минувшем и

скептически относился к тем, кто пытался мерить сложнейшие политические драмы древности мерками обывательской морали.

— Не нам судить, кто из них был прав, а кто виноват, — спокойно возразил он. — К тому же сама история о Золотом тереме для А-Цзяо — не более чем апокрифическая легенда. Настоящий историк не станет опираться на домыслы из художественной прозы для анализа реальных событий прошлого.

— Апокриф?! — мгновенно вскипел Ван Тао. Слова студента больно ударили по его самолюбию, ведь он сам годами строил свои лекции на этой красивой метафоре. Признать правоту юноши означало перечеркнуть всю его преподавательскую работу. — Что за вздор вы несёте, молодой человек?! Золотой терем для А-Цзяо, имя А-Цзяо — это фундаментальные факты! Вы вообще открывали учебники до сегодняшнего дня?

Взглянув на разгорячённого профессора, Цзинь Цин ощутил, как зарождающийся интерес к учёбе тает без следа. Ладно бы незрелые студенты путали сказки с реальностью, но когда сам преподаватель с пеной у рта отстаивал историческую достоверность бульварного чтения... Чему он мог здесь научиться? Имело ли вообще смысл тратить время на эти лекции?

Впрочем, раздражение быстро сменилось грустной иронией. Он вспомнил, в каком плачевном состоянии находилась историческая наука Новой Эры. Тысячу лет назад сокрушительный цифровой коллапс стёр с серверов гигантские массивы данных. Человечество той эпохи, слепо уверовав в незыблемость виртуальных хранилищ, давно отказалось от бумажных книг. Когда Сеть рухнула, вместе с ней в небытие ушли целые пласты древней культуры. Уцелели лишь изолированные базы данных военного и технологического характера. Именно поэтому современное общество совершило невероятный скачок в науке, но осталось духовным сиротой, тщетно пытающимся по крохам восстановить своё прошлое.

Ныне уцелевшие мегаполисы древней Земли были объявлены заповедными зонами. Археологи крупица за крупицей просеивали вековую пыль в надежде отыскать хоть какие-то материальные свидетельства ушедших времён. Но ирония судьбы заключалась в том, что первыми из глубин забвения были извлечены легкомысленные киноленты и развлекательные сериалы двадцать первого века, авторы которых никогда не утруждали себя следованием исторической правде. И эти яркие фальшивки современные учёные приняли за чистую монету, канонизировав их как бесценные исторические документы.

Поняв это, Цзинь Цин мысленно вздохнул. Гнев уступил место глубокому сожалению о трагедии человеческой памяти. Он посмотрел на разгорячённого Ван Тао и заговорил спокойным, но твёрдым голосом:

— Профессор, и предание о Золотом тереме для А-Цзяо, и само имя «А-Цзяо» впервые появляются лишь в сборнике новелл «Истории о ханьском императоре У-ди». Этот текст относится к жанру занимательной беллетристики и разительно отличается от фундаментальных хроник вроде «Ши цзи» или «Хань шу». И пусть эта легенда невероятно красива и популярна, она остаётся лишь художественным вымыслом. Опирайтесь на неё в серьёзных академических исследованиях — значит подменять подлинную науку

мифотворчеством.

Даже великие каноны «Ши цзи» и «Хань шу» дошли до потомков в усечённом, фрагментарном виде. Стремясь заполнить лакуны, современные литературоведы хватались за любые крохи, возводя вольные фантазии авторов двадцать первого века в ранг непреложной истины. Это походило на то, как если бы его современники из двадцать первого столетия реконструировали эпоху Тан исключительно по досужим рассказам эпохи Мин, напрочь игнорируя разделявшую эти династии бездну веков.

<http://bllate.org/book/19005/1960800>